

Особенности пенсионного обеспечения по старости в современных социалистических странах¹

Виктория В. МОСЕЙКО ✉

Калининградский государственный технический университет, г. Калининград, Российская Федерация

Для цитирования: Мосейко, В. В. (2023). Особенности пенсионного обеспечения по старости в современных социалистических странах. *AlterEconomics*, 20(2), 392–414.

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-2.6>

Аннотация. Статья посвящена обзору систем пенсионного обеспечения по старости и выявлению их сравнительных особенностей в ряде современных социалистических государств. Цель статьи — определить базовые характеристики институтов пенсионирования по старости в таких странах, как КНР, КНДР, Куба, Вьетнам и Лаос. На основе анализа научных работ, посвященных организации и финансированию пенсионного обеспечения пожилых лиц, а также доступных баз данных Всемирного банка, ОЭСР, МОТ, АСЕАН и статистических ведомств (СССР, КНР), сравнивались системы пенсионирования и были выделены их общие и уникальные признаки, соответствующие как общемировой практике, так и социалистическому типу государств. Выявлено, что все страны изначально использовали распределительный способ организации пенсионных отношений. В настоящее время в КНР, Вьетнаме и Лаосе функционируют пенсионные схемы накопительного типа, свойственные странам с рыночной экономикой. Среди качеств, характерных для стран социалистического типа, также отмечается неравенство в пенсионных доходах и наличие привилегированных слоев населения. В статье обосновано, что пенсии стали использоваться как привилегии для узких групп, т. е. как способы дополнительного вознаграждения наиболее значимых категорий работников и служащих. В статье дополнительно представлены уникальные характеристики пенсионного обеспечения пожилых людей в каждой из анализируемых стран, исходя из особенностей национальной экономической конъюнктуры. Выявлено негативное влияние теневое сектора и нелегальных доходов на пенсионирование по старости, а также определена роль семьи в обеспечении пожилых лиц. Заключительным результатом обзора служат сценарные направления развития пенсионирования по старости в исследуемых странах.

Ключевые слова: пенсионирование по старости, пенсия по старости, система пенсионного обеспечения, социализм, пожилое население

¹ © Мосейко В. В. Текст. 2023.

RESEARCH ARTICLE

Old-Age Pension Systems in Modern Socialist Countries: A Comparative Analysis

Victoria V. MOSEIKO ✉ *Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russian Federation*

For citation: Moseiko, V. V. (2023). Old-Age Pension Systems in Modern Socialist Countries: A Comparative Analysis. *AlterEconomics*, 20(2), 392–414. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-2.6>

Abstract. This article provides an overview of old-age pension systems in contemporary socialist countries, namely China, North Korea, the Republic of Cuba, Vietnam, and Lao PDR. The aim of this study is to identify and analyze the distinctive characteristics of these systems. Through an examination of academic literature on pension organization and financing, as well as data from the World Bank, OECD, ILO, ASEAN, and statistical departments (USSR, China), the study analyzes the old age pension systems of each country, identifying commonalities and unique features. The study identifies elements aligned with global practices, socialist characteristics, and national peculiarities. Initially, all of the given countries adopted distribution-based pension arrangements that are prevalent worldwide. However, as the systems evolved, distinguishing features emerged, such as pension income inequality and privileges for specific population segments. Moreover, the study explores country-specific features influenced by the national economic context. The impact of the informal sector and illicit income on old-age pensions is uncovered, alongside the significant role of family support. Possible future scenarios for the development of old-age pensions in these countries are proposed.

Keywords: retirement, old age pension, pension system, socialism, old population

1. Введение

Из почти 200 признанных национальных государств лишь три десятка имеют демократические режимы и развитые институты рыночной экономики. Остальное большинство представлено автократиями, нередко прибегающими к радикальным экспериментам в экономике. Среди них социалистические страны, предусматривающие замену рынка на централизованное управление. С распадом СССР дискуссия о возможности социализма, начатая О. Ланге, с одной стороны, и Л. Мизесом и Ф. Хайеком, с другой стороны, казалось бы, прекратилась, однако в мире продолжают социалистические эксперименты.

В настоящее время существует около двух десятков социалистических стран. Внимание автора в этой статье сосредоточено на социалистических странах коммунистического типа: Китайской Народной Республике (КНР), Корейской Народной Демократической Республике (КНДР), Республике Куба, Социалистической Республике Вьетнам и Лаосской Народно-Демократической Республике.¹ Автором предпринята попытка рассмотреть пенсионирование по старости² в этих странах.

Институты пенсий по старости в странах с открытой рыночной экономикой изучаются с момента их появления. На протяжении последних нескольких десятилетий экономисты встревожены финансовым кризисом пенсионирования по старости, вызванного старением населения. Все это предопределило волну пенсионного реформирования перераспределительного механизма или его замены на пенсионное накопление.

¹ Socialist Countries 2023. <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/socialist-countries> (дата обращения 13.01.2023).

² Пенсионирование рассматривается как обобщающий термин, включающий в себя различные способы формирования пенсий по старости: страховые, обеспечительные и накопительные.

Анализ особенностей финансирования и организации пенсий в социалистических странах также вызывает интерес у исследователей, но осложняется недостаточностью и недоступностью данных.

Цель данной статьи — рассмотреть особенности пенсионирования по старости в современных социалистических странах. Для ее реализации предполагается сравнить институты пенсионирования по старости в анализируемых странах с мировым и социалистическим опытом, рассмотреть демографическую ситуацию, определить тенденции развития пенсионирования по старости, выявить общие и уникальные характеристики пенсий по старости, выяснить природу пенсионных инноваций в современных социалистических странах, ее соответствие рыночным или социалистическим принципам хозяйствования, высказать предположения относительно дальнейших перспектив развития.

Особое внимание в работе уделяется пенсионному обеспечению по старости в СССР. СССР оказал огромное идеологическое, экономическое и политическое влияние на появление и последующее развитие анализируемых стран. Советское пенсионное обеспечение по старости появилось исторически первым среди социалистических стран, оно развивалось на протяжении семи десятков лет и к моменту распада СССР представляло собой систему, охватывающую практически все население страны. Анализ пенсионного обеспечения в СССР является ретроспективным и нацелен на выявление его ключевых характеристик для дальнейшего их сопоставления с институтами пенсионирования по старости анализируемых социалистических стран.

В отличие от СССР современные социалистические страны все больше используют рыночный механизм, отсюда они часто называются транзитивными.¹ С конца 1970-х гг. был ослаблен государственный контроль за экономикой в КНР. В 1990-е гг. из-за крушения СССР и прекращения потока финансирования к помощи рынка прибегли КНДР, Куба, Лаос и Вьетнам. Степень и природа инклюзии рыночных институтов в этих странах с самого начала существенно различалась. В КНР, Вьетнаме и Лаосе рынок стал легальной частью их национальной экономики, в КНДР и на Кубе де юре рыночные трансакции запрещены, но в реальности осуществляются. Отсюда все рассматриваемые страны де факто представляют собой страны догоняющего развития, декларирующие социалистические идеи.

Пенсионирование по старости само по себе является итогом экономического развития, поскольку только богатые общества могут позволить себе расходы, направленные на удовлетворение потребностей и интересов пожилых лиц. По уровню жизни пенсионеров можно судить об экономическом успехе страны.

Теоретической основой статьи послужили положения современной институциональной теории развития. Среди них: концепция Э. де Сото, важной составляющей которой, является рассмотрение внезаконного сектора как причины торможения экономических процессов (Э. де Сото, 2004). В работе (Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011) успех экономического развития связывается с созданием доступа к экономическим благам и политическим процессам, а также формированием механизмов, ограничивающих насилие. Более упрощенно эта мысль была выражена в работе (Аджемоглу, Робинсон, 2015). В ней авторы пришли к выводу, что долгосрочное экономическое развитие возможно лишь в условиях учреждения инклю-

¹ Наумов, А. С., Дохов, Р. А., Елманова, Д. С., Попов, Ф. А. (2019). *Типология зарубежных стран: учебно-методическое пособие* (с. 293). Под ред. А. С. Наумова. Москва: Типография «Пеликан».

живных институтов и, напротив, результатом широкого распространения экстрактивных институтов является экономическая деградация.

Тематически близких работ, посвященных сравнительному анализу институтов пенсий по старости в современных социалистических странах, найдено не было. Представленный анализ опирается на фактографические и статистические данные национальных статистических ведомств, а также международных организаций и объединений, таких как Всемирный банк, МОТ, ОЭСР, АСЕАН. В изученных академических работах представлен обзор институтов пенсионирования по старости отдельных стран или регионов.

Хорошо исследована проблематика пенсионных отношений в СССР. Особенности советского пенсионного обеспечения рассматриваются в работе (Социальное, экономическое и эмоциональное благополучие...), обзор советского пенсионного законодательства представлен в монографии Сиваковой (2015), вопрос о положении отдельных социальных групп в советской пенсионной системе подробно анализируется в статьях Капустиной (2010, 2013), Мамонтовой (1965).

На сегодняшний день мы хорошо информированы об экономике китайского пенсионного обеспечения по старости. При рассмотрении особенностей пенсионной системы в КНР были изучены статьи (Cai & Cheng, 2014; Zhao & Xu, 2001; Dorn, 2004; Coeurdacier et al., 2014; Fang & Feng, 2018; Wang & Timonen, 2021). Особенности реализации пенсий по старости во Вьетнаме и Лаосе представлены в обзорах МОТ, ОЭСР и АСЕАН. В работе (Ngo Thi Hang, 2017) описаны проблемы пенсионной системы Вьетнама, перспективам развития вьетнамского пенсионирования по старости посвящена статья (Чан, Нго, 2018). Вопросы пенсионного обеспечения по старости в других социалистических странах недостаточно изучены из-за отсутствия данных. Особенности кубинской экономики, и в том числе организации социальной сферы, подробно рассматриваются в (Pérez-López & Mesa-Lago, 2005), анализ экономики кубинских пенсий представлен в (Carmelo Mesa-Lago, 2012). Работ о непосредственно пенсионных отношениях в КНДР найдено не было, были исследованы эмпирические труды о повседневности северных корейцев (Ланьков, 2022; Seong, 2015), о транзитивности северокорейской экономики (Koen & Beom, 2020; Mun-su, 2015; Yong-seok & Eun-mee, 2015), а также аналитические сборники Южнокорейского Института унификации образования (National Institute for Unification Education, 2014; National Institute for Unification Education, 2017). Из особенностей экономических отношений в северокорейском обществе были реконструированы характеристики обеспечения пожилых лиц и стариков.

2. Пенсионирование по старости в развитых странах

Пионером универсальной пенсионной системы была Германия. Благодаря реформам Отто фон Бисмарка к. XIX в. пенсии по старости были распространены на широкие слои населения. Изначально этот вид пенсионного обеспечения не был популярным, поскольку до пенсионного возраста, установленного на уровне 70 лет, мало кто доживал. В настоящее время пенсии по старости являются важнейшим институтом любой пенсионной системы, на пенсии по старости приходится большая доля всех пенсий.

На первом этапе своего развития пенсионирование носило распределительный характер, когда текущие выплаты финансировались из текущих взносов. Страховая часть пенсии по старости связана с периодом уплаты страховых взно-

сов, и ее размер может существенно отличаться в зависимости от предшествующих трудовых доходов.

Из-за старения населения, вызванного увеличением продолжительности жизни, снижением рождаемости и смертности, такая модель перестала быть пригодной. В начале для преодоления финансовой неустойчивости национальные правительства начали повышать страховой стаж, страховой тариф и увеличивать пенсионный возраст, а позже предприняли институциональный переход от пенсионного распределения к обязательному и добровольному пенсионному накоплению. Пенсионное накопление не зависит от демографической ситуации в стране, основано на индивидуальных доходах и их инвестировании, и может быть реализовано только в рыночной экономике.

Метод пенсионного накопления применяется в сфере формирования корпоративных пенсий, представляющих собой способ привлечения и удержания наиболее квалифицированных работников. Корпоративные пенсии охватывают от 40–50 % до 70–80 % работников. Величина корпоративной пенсии зависит от суммы поступающих взносов и результатов инвестирования. Однако есть и отраслевые различия: наиболее высокие размеры корпоративных пенсий характерны для энергетического, финансового секторов, автомобильной индустрии и др. Благодаря корпоративным пенсиям создаются привилегии для работников наиболее престижных профессий и отраслей с длительным трудовым стажем. Их отличительной особенностью является рыночный характер, в некоторых случаях дополненный силой государственного принуждения, поскольку многие корпоративные схемы носят обязательный характер.

Помимо корпоративных пенсий в развитых странах большое распространение получили добровольные накопительные схемы, выступающие в качестве дополнительного инструмента к уже имеющимся обязательным пенсионным программам. Добровольные пенсионные программы как еще один пример инклюзивных институтов в пенсионном процессе могут быть интересны высокодоходным работникам, желающим получать больший доход на пенсии; не работающим, отчисления за которых могут делать родственники или члены семьи (например, супруг за неработающую супругу); самозанятым, не охваченным корпоративными пенсионными схемами.

Поэтому корпоративные пенсии и добровольные пенсионные программы представляют собой пример инклюзивных институтов. Благодаря им заметно увеличивается общий размер пенсионных доходов и уровень благополучия пенсионеров.

Наличие пенсионных инклюзивных институтов позволяет сглаживать пенсионные противоречия, вызванные финансированием пенсий работников государственного сектора. Благодаря корпоративным пенсиям и добровольным пенсионным программам у широких масс населения есть возможности для формирования пенсии приемлемого размера. Для развитых стран справедливо утверждение: чем больше трудовой доход и страховой стаж, тем выше размер будущей пенсии.

Пенсионные системы современных развитых стран представляют собой совокупность многообразных институтов: обязательных и добровольных, распределительных и накопительных, корпоративных и ориентированных на персональные потребности. Это говорит о приоритете инклюзивных норм, позволяющих большинству людей участвовать в пенсионных отношениях в соответствии со своими индивидуальными пенсионными стратегиями.

3. Пенсионирование по старости в СССР

Практики пенсионного обеспечения и страхования в дореволюционной России не были универсальными, они распространялись на государственных чиновников, рабочих отдельных отраслей и предприятий. Пенсионное страхование находилось в состоянии своего становления и организовывалось не только государством, но также крупными промышленниками, которые самостоятельно создавали локальные системы социальной защиты для своих работников и их семей (Дегтярев, 2003, с. 8–112). Для остальных существовали сберегательные, эмеритальные и пенсионные кассы, основанные на добровольном страховании (Дегтярев, 2003, с. 48–55, 70–86).

С появлением советского государства прежние законы о государственном социальном, и в том числе пенсионном страховании, были отменены. На национализированных промышленных предприятиях прекратилось осуществление социальной защиты рабочих.

В силу сложного экономического положения, вызванного гражданской войной и политикой военного коммунизма, а затем трудностями индустриализации и коллективизации советское правительство не могло себе позволить создать всеобщую систему социальной защиты. Поэтому многие категории работников, которые до революции имели социальные права и могли претендовать на социальную защиту от государства и / или предприятия, были ее лишены.

Несмотря на это институт пенсий был возрожден относительно быстро (Дегтярев, 2003, с. 112–188), однако распространялись пенсии на очень узкий круг лиц. Первоначально основанием назначения пенсии было наступление инвалидности. Известно, что на начало 1926 г. общее количество пенсионеров на всю страну составило 510 881 человек.¹ Отдельные категории граждан советским законом были лишены права на пенсионное обеспечение, к ним относились мелкие ремесленники, духовенство, торговцы (Сивакова, 2015, с. 49).

Среди первых пенсий особое место занимали пенсии персональные, назначаемые за общественные заслуги героям Гражданской войны и революции (Сивакова, 2015, с. 10, 83; Социальное, экономическое..., с. 183).

С проведением индустриализации пенсионное обеспечение стало появляться для работников разных отраслей промышленности, в 1937 г. пенсии ввели и для служащих. Система пенсионного обеспечения, охватывающая остальные группы работников возникла только к 1956 году: большинство рабочих получили право на государственные пенсии при достижении пенсионного возраста — 55 лет для женщин и 60 — для мужчин и минимальном стаже — 20 лет для женщин и 25 лет — для мужчин.

Во второй половине XX в. советская пенсионная система приобрела черты, свойственные пенсионным системам других стран, среди них: универсальность, то есть нацеленность на распространение пенсионного обеспечения на широкие слои населения, и использование межпоколенного перераспределения, предполагающего выплату пенсий из текущих сборов (Мосейко, 2018, с. 312).

Советское пенсионирование по старости называлось страховым, но по своей природе носило обеспечительный характер (Дегтярев, 2003, с. 176–177, 184, 186).

¹ Краткий обзор социального страхования за 1924–1926 гг. (1927). Сборник материалов. Под редакцией и с предисловием Л. П. Немченко (с. 35). Москва: Вопросы труда.

Возврат к частным пенсионным схемам был невозможен из-за непринятия рыночных механизмов хозяйствования.

Советская пенсионная система была крайне дискриминационна. Вплоть до 1964 г. пенсий были лишены колхозники. Предполагалось, что пенсионное обеспечение колхозников должны осуществлять сами колхозы, однако их экономическое положение не позволяло им иметь социальные расходы. В некоторых колхозах выделялась пенсия старикам, но часто при условии отсутствия у них семей. Размер колхозных пенсий был очень маленьким и часто не достигал трех рублей (Мамонтова, 1965, с. 22).

После обретения колхозниками государственного права на пенсии различия в пенсионном обеспечении колхозников и рабочих по-прежнему были существенны. Во-первых, первоначальный пенсионный возраст колхозников был на 5 лет выше, чем у получателей пенсий по старости на общих основаниях (уравнение возраста произошло с 1968 г.); во-вторых, колхозники-инвалиды не могли получать пенсии по инвалидности третьей группы вследствие общего заболевания; в-третьих, размер пенсий колхозников был занижен, например, до 1978 г. рассчитанный размер пенсии колхозников уменьшался на 15 %, если они имели приусадебный участок больше 0,15 га (Капустина, 2013, с. 412), в 1975 г. средний размер пенсии по возрасту колхозникам составил по отношению к соответствующему уровню пенсии рабочим 40 %, а в 1988 г. — 58 %.¹

В литературе, посвященной советскому пенсионному обеспечению, обращается внимание на низкий размер пенсии, который не мог рассматриваться в качестве основного источника дохода для многих категорий работников (Капустина, 2013).

По мере распространения пенсионного обеспечения по возрасту на новые группы населения увеличивалось количество пенсионеров. Так, в 1975 г. число пенсионеров по возрасту составляло 29395 тыс. чел., а в 1988 г. их было уже 43164 тыс. чел.²

Это приводило, как и в других странах мира, к росту финансовой нагрузки, которая усиливалась такими демографическими тенденциями как снижение рождаемости и увеличение продолжительности жизни. Так, с 1913 по 1970 гг. рождаемость снизилась в 2,6 раза,³ средняя продолжительность жизни населения СССР увеличилась с 64 лет для мужчин и 72 лет для женщин в 1958–1959 гг.; до 65 лет у мужчин и 74 лет у женщин — в 1968–1971 гг.⁴ И если в 1939 г. на одного человека в возрасте старше трудоспособного приходилось 6,1 трудоспособного человека, то в 1959 г. это число уменьшилось до 4,6, а в 1970 г. — до 3,6.⁵

Вместе с тем не только сохранялся, но и с каждым годом укреплялся институт персональных пенсий, устанавливаемых в отношении отдельных лиц, особо отличившихся перед советским государством, главным образом, партийных. Персональные пенсии представляют собой привилегии для советской политической элиты и, таким образом, могут быть представлены в качестве экстрактивного института (Аджемоглу, Робинсон, 2015) в советском пенсионировании по старости.

¹ Общественные фонды потребления. Социальное развитие СССР. Статистический сборник. <https://istmat.org/node/20551> (дата обращения 23.06.2022).

² Общественные фонды потребления. Социальное развитие СССР. Статистический сборник. <https://istmat.org/node/20551> (дата обращения 23.06.2022).

³ Болдырев, В. А. (1974). *Итоги переписи населения СССР* (с. 9). Москва: Статистика.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ Болдырев, В. А. (1974). *Итоги переписи населения СССР* (с. 9). Москва: Статистика.

Размер персональной пенсии значительно превосходил размеры пенсий, назначаемых работникам и колхозникам, и определялся в каждом конкретном случае с учетом характера и степени исключительных заслуг лица, его материальной обеспеченности и количества иждивенцев. Официально максимальный размер пенсий в 1950–1960-х гг. составлял: для персональных пенсионеров союзного значения — 2000 (200), республиканского — 1200 (120), местного — 600 (60) руб. (в скобках указаны размеры в пореформенных значениях). В 1977 г. максимальные нормы были подняты до 250, 160 и 140 руб. соответственно. Для сравнения: максимальные пенсии по старости для рабочих и служащих, назначенные на общих основаниях, были установлены в размере 120 руб. (Капустина, 2010, с. 51).

По мере развития пенсионной системы появлялось все больше преференций для отдельных категорий работников. Пенсионные льготы касались не только размера пенсий, но и более низкого пенсионного возраста. Так, появился институт досрочных пенсий (Мосейко, 2017, с. 50–51), до сих пор усиливающий нагрузку на пенсионную систему.

Советская пенсионная система характеризовалась высоким пенсионным неравенством (Дегтярев, 2003, с. 178), которое в дальнейшем стало неотъемлемой характеристикой российской пенсионной системы (Мосейко, 2017). Таким образом, принцип универсальности в пенсионировании по старости дополнялся исключительными пенсионными правами. Положение отягощалось затруднением перехода из одной социальной группы в другую. Все это характеризовало СССР как общество закрытого типа (Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011) с довольно жесткой пенсионной системой.

Строго говоря, советское пенсионирование по старости не представлялось каким бы то ни было уникальным феноменом и с точки зрения принципов функционирования мало отличалось от стран западного мира. В качестве метода финансирования использовался все тот же распределительный метод, вместо корпоративных пенсий сложился институт пенсионных привилегий. И если в странах рыночного типа они складывались стихийно благодаря более высокому доходу в отдельных отраслях, то в СССР привилегии устанавливались «сверху», через систему государственного управления. Поскольку роль рынка в СССР отрицалась, а централизованное управление и планирование рассматривались единственно возможными способами воздействия на экономику, то неудивительно появление института персональных пенсий и высокой значимости номенклатурно-партийных преференций в пенсионировании.

4. Пенсионирование по старости в КНР

Зачатки пенсионной системы в социалистическом Китае появились еще в 1950-е годы. Китайская пенсионная система носила распределительный характер и распространялась на работников государственных городских предприятий и партийных служащих. Этот экстрактивный признак китайского пенсионирования, сближающий его с советской пенсионной системой, не преодолен до сих пор. Для большей части населения обеспечение в старости по-прежнему являлось обязанностью семьи и детей.

Стихийная урбанизация во второй половине XX в., сопровождающаяся повышением качества жизни, и демографическая политика «одна семья — один ребенок» (1979–2015 гг.) привели к росту продолжительности жизни и снижению рож-

даемости. Демографическая политика лишала шансов китайцев на традиционную заботу в старости, а ее результаты создавали предпосылки для ограничения финансирования национальной пенсионной системы в будущем (Coeurdacier et al., 2014), поскольку количество детей стало снижаться, а число пожилых, напротив, возрастать (табл. 1).

Запрет на рождение актуализировал потребность в пенсионном обеспечении. Однако последующее развитие пенсионной системы было связано не столько с указанными выше проблемами, сколько с происходящими рыночными процессами в КНР. Дело в том, что государственные предприятия не всегда выдерживали конкуренцию с частными и вынуждены были сокращать работников. Однако увольнение с последующим переходом в частные компании лишало работников пенсий. Именно для стимулирования мобильности рабочей силы в 1980-х гг. было принято решение создавать индивидуальные пенсионные счета, которые передавались в управление новому предприятию при смене трудоустройства. (Zhao & Xu, 2002).

Так, реформы 80–90-х гг. XX в. коснулись корпоративного сектора, распространив пенсии на всех городских работников вне зависимости от того на предприятиях какой формы собственности они трудились. В результате в 1990-е гг. количество работников, участвующих в пенсионной системе, увеличилось на 15,5 %, а количество охваченных ею пенсионеров — на 67,5 % (Zhao & Xu, 2002). Это усилило нагрузку на китайскую пенсионную систему. Эксперты стали обращать внимание на долгосрочную несостоятельность распределительной пенсионной системы Китая из-за неблагоприятных демографических тенденций (Dorn, 2004, p. 434–436), плохое администрирование: неспособность сбора средств для выполнения пенсионных обязательств и быстрое перетекание трудовых ресурсов в «неофициальный» сектор экономики (Zhao & Xu, 2002).

Поскольку изначально китайская пенсионная система охватывала незначительное количество граждан, то устранение сложностей, вызванных демографическими изменениями, планировалось осуществлять через вовлечение в пенсионную систему новых участников. Для этого пенсионные фонды, которые прежде создавались и управлялись предприятиями укрупнялись до уровня провинции. Это создало еще одну проблему: существенную региональную разницу между уровнями пенсионного обеспечения (Cai & Cheng, 2014).

В результате к концу XX века пенсия в Китае включала 1) государственную часть (финансируется предприятием за счет налога на зарплату, взимаемого из доходов предприятий до уплаты налога); 2) корпоративную прибавку от предприятия (финансируется предприятием-работодателем и работником).

Таблица 1

Возрастной состав в КНР ¹

Table 1

Age Composition in China

Годы	0–14 лет, %	15–64, %	Старше 65 лет, %
1990	27,7	67,7	5,6
2000	22,9	70,1	7,0
2010	16,6	74,5	8,9
2016	16,7	72,5	10,8

¹Age composition and dependency ratio of population. China Statistical Yearbook. 2017. <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2017/indexeh.htm> (дата обращения: 23.07.2022).

В последующие годы государственный уровень существенно расширил свой охват, прежде всего, за счет сельских жителей (в 1980 г. их доля составляла 81 % населения, в 1990 г. — 74 %, в 2000 г. — 64 %, в 2010 г. — 51 % населения¹), которые пенсионные права получили лишь в 2009 году (Lei et al., 2014). Размер пенсий у селян был значительно меньше, чем у городских рабочих и служащих. В 2011 г. пенсионное обеспечение распространилось на безработных городских жителей. В результате к концу 2017 г. государственная пенсионная система Китая охватывала 915 млн. участников (65,8 % населения) (Fang & Feng, 2018, p. 4).

Есть и такие группы населения, которые не имеют права на пенсию. Среди них, например, мигранты из сельских областей, работающие на городских предприятиях, они не могут рассчитывать на городскую пенсию. Формально закон 2011 г. предоставил право на пенсию сельским мигрантам-трудящимся, но фактически работодатели его не соблюдают. Известно, что до сих пор более 100 млн чел. не получают пенсии: в 2021 г. количество пенсионеров превысило 162 млн чел.² из свыше чем 267 млн пожилых старше 60 лет.³

В последнее время на пенсионную систему КНР усилилось влияние старения населения (табл. 1, 2). Отсюда и актуальность реформы пенсионного возраста, о которой в КНР все больше говорят сегодня. Ожидается, что повышение пенсионного возраста произойдет в 2025 г.

Несмотря на значительную величину уплачиваемых страховых взносов (28 %), размер китайских пенсий крайне невысок. По показателям доходов и потребления пожилые люди, особенно из сельской местности, часто находятся за чертой бедности (Fang & Feng, 2018, p. 21).

Корпоративный уровень пенсионной системы развивается очень медленно из-за отсутствия стимулов. Желание предприятий уклоняться от налогов формирует значительный внезаконный сектор и приводит к очень медленному распространению пенсий на новых участников. В 2015 г. 70 % фирм платили взносы социального страхования ниже установленного уровня (Fang & Feng, 2018, p. 18). В конце 2017 г. только 80 тыс. фирм (менее 0,5 % от всех фирм), главным образом, государственные и крупные компании-монополисты, участвовавшие в пенсионных программах для 23 млн чел. (Fang & Feng, 2018, p. 4, 9). В условиях масштабного внезаконного сектора активы не превращаются в капитал (де Сото, 2004). Это справедливо и для «серого» дохода, который не участвует в государственном пенсионировании и не формирует пенсионный капитал.

Одновременно низкая доходность по пенсионным накоплениям является причиной низкого размера пенсий и, соответственно, антистимулом для индивидов.

Со временем появился третий уровень китайского пенсионного обеспечения, который представлен страховыми аннуитетами для домашних хозяйств. Последние два десятилетия аннуитетное страхование быстро росло. Но, несмотря

¹ Rural population. (% of total population). China. <https://data.worldbank.org/cn/indicator/SP.RUR.TOTL.ZS?locations=CN> (дата обращения: 23.10.2022).

² China Social Security Fund: Pension: Number of Pensioner. <https://www.ceicdata.com/datapage/en/china/social-insurance-mohrss-no-of-insured-person/social-security-fund-pension-no-of-pensioner> (дата обращения: 03.07.2022).

³ China Population: Age 60 and Above. <https://www.ceicdata.com/en/china/population/population-age-60-and-above> (дата обращения: 03.07.2022).

Основные индикаторы современной пенсионной системы КНР в 2020 г.¹

Main Indicators of the Modern Pension System in China in 2020

Индикаторы	Значения
Продолжительность жизни при рождении, лет	78,2
Продолжительность жизни лиц старше 65 лет, лет	17,7
Население старше 65 лет, % трудоспособного населения	19,7
Пенсионный возраст мужчин, лет	60
Пенсионный возраст женщин, лет	55 ²

¹OECD (2022). *China. Pensions at a Glance Asia / Pacific 2022* (p. 53). Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/08b7153a-en>

² Большинство женщин выходят на пенсию в 50 лет

на среднегодовые темпы роста в 16,9 % в период с 2001 по 2014 гг., в 2014 г. действующие полисы охватывали лишь порядка 100 млн чел. (Fang & Feng, 2018. p. 10).

Развитие третьего уровня пенсионного обеспечения формирует набор альтернатив у китайского населения, что особенно важно при отсутствии возможностей у широких слоев населения участвовать в первом и втором уровнях пенсионирования. Это приводит к неоднозначным результатам. С одной стороны, наличие выбора позволяет учитывать личные и семейные потребности и способствует индивидуализации пенсионных стратегий, с другой стороны, одновременно появляются основания для усиления неравенства (Wang & Timonen, 2021).

5. Пенсионирование по старости в КНДР

КНДР крайне закрытая страна, мы не обладаем сведениями о ее пенсионной системе. Скорее всего в привычном для современного общества виде она и вовсе отсутствует. Основываясь на характеристиках экономического, демографического и социального развития можно сделать некоторые обобщенные выводы о жизни и обеспечении пожилых и стариков.

Экономика в КНДР носит плановый характер и основана на государственной собственности на средства производства (Mun-su, 2015).

Демографическая ситуация в КНДР менялась в течение последних десятилетий. В 1970-х гг. активно проводилась политика контроля рождаемости в целях развития женского труда, ее результатом стало снижение рождаемости. В дальнейшем снижение рождаемости вместе с ростом продолжительности жизни привели северокорейское общество к старению населения (Koen & Veom, 2020, p. 36). Из опыта ряда стран известно, что указанные демографические процессы имеют негативное воздействие на экономику и реализацию программ по социальному обеспечению пожилых. Ввиду этого в 2015 г. был отменен контроль рождаемости и запрещены аборты (Koen & Veom, 2020, p. 37).

Главным инструментом системы социального обеспечения является продовольственная дистрибуция. В КНДР с самого начала основания существует карточная система, которая воспринимается социумом как нечто правильное и является атрибутом стабильности (Ланьков, 2022, с. 132–142). Нормирование определяется социальным статусом. Суточная доза риса для пенсионеров составляет 300 г, в то время как суточная норма рабочего, занятого в промышленности — 900 г

(Yong-seok & Eun-mee, 2015, p. 83; National Institute for Unification Education, 2017, p. 292). Получение продовольственных пайков для пожилых родителей происходит на работе у глав семей.

В тяжелые экономические времена фактическая масса рисового пайка нередко уменьшалась. Например, известно, что в 1973–1987 гг. на обычных рабочих и служащих приходилось примерно по 610 г зерна, а лицам пожилого возраста полагалось 250 г зерна в сутки (Ланьков, 2022, с. 136) при установленной суточной потребности в 700–1000 г на человека (Ланьков, 2022, с. 137).

Скудный продовольственный паек не обеспечивает нормального питания, именно поэтому в КНДР пожилые люди хотят продолжать работать как можно дольше (National Institute for Unification Education, 2014, p. 366). Пожилые лица заняты в производстве предметов первой необходимости, в переработке сельскохозяйственной и животноводческой продукции, в сборе лекарственных трав и в их продаже (Yong-seok, Eun-mee 2015, p. 77).

Как было сказано выше, для северокорейского общества характерна социальная стратификация с выделением привилегированных слоев населения (Ланьков, 2022, с. 142–147; National Institute for Unification Education, 2017, p. 278–282). В КНДР выделяется 3 класса и 45 категорий (National Institute for Unification Education, 2014, p. 348). Качество предпочтений и уровень государственного пайкового обеспечения зависят от принадлежности к конкретной социальной группе (National Institute for Unification Education, 2014, p. 354; National Institute for Unification Education, 2017, p. 285; Seong, 2015, p. 12). Лучшее положение занимают представители номенклатуры: чиновники, представители спецслужб и военные, их обеспечение существенно отличается от обеспечения простых граждан. Наличие административного ресурса также позволяет иметь косвенный доход от коррупционной ренты. Все это характеризует КНДР как общество закрытого типа и с преобладанием экстрактивных институтов.

Начиная с 1990-х гг., когда в Северной Корее ввиду прекращения финансирования из СССР случился голод, власти стали закрывать глаза на мелкое предпринимательство. Это привело к усилению роли теневого сектора и скрытых рыночных отношений (Ланьков, 2022, с. 153–160) в формировании доходов домохозяйств.

В соответствии с северокорейским законодательством мужчины должны быть обязательно трудоустроены на корейских предприятиях, в то время как женщинам позволено оставаться неработающими домохозяйками. Это правило стало причиной усиления экономической роли женщины в северокорейской семье (Ланьков, 2022, с. 182–185, 237–244, 280–286). Женщины, используя имеющиеся привилегии, стали организовывать бизнес, постепенно вовлекая в него и других членов семьи. Таким образом, в современном корейском обществе женщина нередко выступает главным кормильцем для своих детей, мужа и пожилых родителей.

6. Пенсионирование по старости в Республике Куба

До крушения СССР небольшие государственные пенсии на Кубе были дополнены бесплатными услугами (здравоохранение, транспорт, коммунальные услуги) и некоторыми товарами (жилье, продукты питания), предоставляемыми государством (Mesa-Lago, 2013, p. 24). С прекращением советского финансирования правительство Кубы вынуждено было сократить расходы на социальное и пенсионное обеспечение (Pérez-López & Mesa-Lago, 2005). С тех пор от большинства государ-

ственных услуг пришлось отказаться и существенно сократить размер пенсии. Это является основной причиной продолжения трудовой деятельности пожилыми лицами и стариками после выхода на пенсию.

Демографическое положение на Кубе характеризуется очень низкой рождаемостью (Mesa-Lago, 2013, p. 20) из-за распространения противозачаточных средств, легальных аборт (Henshaw, Singh and et al., 1999) и высокой продолжительностью жизни (Mesa-Lago, 2013, p. 20). В итоге — старение населения: в 1953 г. население в возрасте 60 лет и старше составляло 6,9 % населения, в 2010 г. — 17,8 %, а к 2025 г. оно достигнет 26 % (Mesa-Lago, 2013, P. 20). В результате расходы на пенсии в 1998 г. составили 5,8 % ВВП, в 2007 г. — 6,7 % ВВП, в 2010 г. увеличились до 7,6 % ВВП (Mesa-Lago, 2013, p. 21), соотношение экономически активных работников на одного пенсионера снизилось с 3,6 до 3,1 в 1989–2010 гг., а в 2025 г. оно достигнет 1,5 работника на одного пенсионера (Mesa-Lago, 2013, p. 21, 24).

Именно по этой причине в 2008 г. было объявлено о повышении пенсионного возраста с 60 лет у мужчин и с 55 лет у женщин до 65 и 60 лет соответственно и увеличении трудового стажа с 25 лет до 30. Также пенсионная реформа ввела отсрочку выхода на пенсию и обязательное страхование самозанятых.

Сегодня многие молодые люди не ищут официальную работу даже несмотря на то, что комитеты соседей должны препятствовать безработице. Вместо этого они живут с родителями и работают на черном рынке, не участвуя в финансировании пенсионной системы. Наличие внезаконного сектора экономики и «серых» трудовых доходов является одной из причин слабости кубинского пенсионирования по старости.

Военнослужащие и сотрудники внутренней безопасности имеют обособленные пенсионные программы. Например, мужчина, поступающий в армию в 17 лет, может уйти в отставку после 25 лет службы, уже в 42 года, с пенсией эквивалентной его прошлогодней зарплате (Mesa-Lago, 2013, p. 23–24). Как видно, в кубинском обществе также преобладает экстрактивная институциональная среда, где одни группы населения имеют больше привилегий и прав в сравнении с остальными.

7. Пенсионирование по старости во Вьетнаме

В 2021 г. население Вьетнама превысило 98 млн чел. Однако темп прироста населения снижался с 1960-х гг. и в 2021 г. составил менее 0,9 % в год. В общей массе населения на лиц старше 65 лет в 2021 г. приходилось 8,43 %. Начиная с 1960-х гг., доля населения старше 65 лет выросла более чем в 5 раз. Одновременно росла продолжительность жизни (табл. 3). В период с 1990 г. по настоящее время продолжительность жизни при рождении выросла с 70,5 лет до 75,5 лет,¹ снижались рождаемость и смертность (Ngo Thi Hang, 2017, p. 100). Все вместе это привело к старению населения.

С 2015 г. Вьетнам стал одной из стран с самым быстрым стареющим населением. Прогнозируется, что число вьетнамцев старше 65 лет вырастет до 18 миллионов к 2040 г. и превысит 18 % населения.²

¹ World Development Indicators. Vietnam. <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&country=VNM> (дата обращения 23.12.2022).

² Hoang Thuy (2018). *Aging Population Prompts Vietnam to look at raising retirement levels*. <https://vnexpress.net/news/news/aging-population-prompts-vietnam-to-look-at-raising-retirement-levels-3741141.html> (дата обращения 23.12.2022).

Пенсионная система Вьетнама в настоящее время включает, во-первых, обязательное государственное пенсионное страхование (с 1962 г.); во-вторых, добровольные пенсионные схемы, предлагаемые страховыми компаниями, и ориентированные на работников всех отраслей экономики (с 2017 г.); в-третьих, добровольные дополнительные пенсионные схемы, предлагаемые работодателями (с 2013 г.).

Государственная пенсионная система как часть системы социального страхования существует с 1962 г. для госслужащих, с 1964 г. она распространилась на военных и с 1975 г. по 1995 г. пенсионное страхование вводилось для работников государственных предприятий (Ngo Thi Hang, 2017, p. 98). Из-за старения населения и риска финансового дисбаланса пенсионной системы с 2007 г. страховой тариф регулярно повышался, пока не достиг к 2014 г. 22 %, которые распределены в размере 8 % для работников и 14 % для работодателей (Чан, Нго, 2018, с. 45).

Условиями получения пенсии по старости было наличие страхового стажа не менее 15 лет и достижение пенсионного возраста: 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин. Люди, занятые на опасных или физически тяжелых работах, имеют некоторые преференции: они могут выйти на пенсию на 5 лет раньше.

Столкнувшись со старением населения, с 2018 г. увеличивался необходимый период страхового стажа на 1 год каждый год до 20 лет в 2022 г. (Чан, Нго, 2018, с. 46); с 2021 г. началась реформа пенсионного возраста: к 2035 г. он достигнет 60 лет для женщин и 62 лет для мужчин.

Малые предприятия частного сектора игнорируют участие в государственной системе социального страхования. В результате чего уменьшился охват участников пенсионной системой (табл. 4).

Таблица 3

Основные индикаторы современной пенсионной системы Вьетнама в 2020 г.¹

Table 3

Main Indicators of the Modern Pension System in Vietnam in 2020

Индикаторы	Значения
Продолжительность жизни при рождении, лет	75,4
Продолжительность жизни лиц старше 65 лет, лет	17,6
Население старше 65 лет, % трудоспособного населения	13,7
Пенсионный возраст мужчин, лет	60
Пенсионный возраст женщин, лет	55

¹ OECD (2022). *Vietnam. Pensions at a Glance Asia / Pacific 2022* (p. 86). Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/d68c5305-en>

Таблица 4

Участники пенсионной системы во Вьетнаме, тыс. чел.

Table 4

Participants of the Pension System in Vietnam, ths people

Участники	2016 (на начало года)	2017 (на начало года)	2018 (на начало года)
Обязательные участники	12093	13100	13680
Добровольные участники	195	235	240
всего	12287	13335	13920
В % от рабочей силы	22,6	24,1	—

Источник: Чан, Т. С. А., Нго, Т. Х. (2018). Пенсионная система во Вьетнаме: новые вызовы и перспективы развития. *Вьетнамские исследования*, 2(4), 43–53.

Небольшое количество участников пенсионной системы во Вьетнаме приводит к ограничению пенсионных выплат у пожилых лиц. Это объясняет, почему до сих пор в большинстве семей обеспечение пожилых — обязанность семьи.

На государственном уровне помимо пенсионного страхования осуществляется программа социальной помощи пожилым лицам, которая включает в себя единовременную выплату для пенсионеров, чей стаж составляет менее 20 лет и социальную пенсию по старости.¹

Другим способом решить проблему финансирования пожилых лиц в условиях старения населения является развитие добровольных пенсионных схем (Чан, Нго, 2018). Частные пенсионные схемы появились во Вьетнаме относительно недавно и пока не получили широкого распространения, главным образом, из-за низких доходов населения.

8. Пенсионирование по старости в Лаосе

Лаос — самая бедная из рассматриваемых стран. Большая часть населения проживает в сельской местности и занимается традиционными видами деятельности. Население Лаоса в 2021 г. превысило 7 млн., с конца 1980-х гг. в стране значительно снизились темпы роста населения и с начала 2000-х гг. темп прироста не превышал 2 %, а в 2021 г. составил 1,4 %.

Продолжительность жизни при рождении населения растет: с начала 1960-х она увеличилась с 41 года до 68 лет в 2020 г.² Продолжительность жизни после 60 лет в 2020 г. составила 17 лет.³ Отмечается рост численности пожилых: если в 1960 г. количество лиц старше 65 лет составляло 56294 чел., то в 2021 г. оно выросло до 323523 чел. Существенный рост населения в середине XX в. привел к тому, что доля пожилых лиц в процентном соотношении практически не изменилась: если в 1960 г. количество лиц старше 65 лет составляло 3 % населения, то в 2021 г. на них приходилось всего 4 %.⁴ Тем не менее международные организации предсказывают весьма быстрое старение населения уже в скором будущем из-за снижения рождаемости и смертности, а также увеличения продолжительности жизни. Так, если в 2017 г. доля лиц старше 60 лет составляла 6,3 %, то по прогнозам к 2050 г. достигнет 16,1 % населения.⁵

Пенсионная система Лаоса стала формироваться сразу после обретения независимости Лаосом в 1975 г. В течение 1970–1980-х гг. появились пенсии для госслужащих, военных и работников госпредприятий. Условиями назначения пенсии по старости являются: достижение пенсионного возраста (60 лет для мужчин и 55 лет для женщин), а также наличие 25 лет службы. Для сотрудников, работающих в тяжелых условиях труда, предусмотрен более ранний выход на пенсию. Значительно позже появились пенсии для работников частного сектора (2001) и самозанятых (2013).

Количество участников пенсионирования по старости незначительно: на 2010 г. их доля в населении трудоспособного возраста (15–64 года) составила чуть более 1 %. Невелико число и получателей пенсии: в 2010 г. их доля составила 5,6 % от на-

¹ OECD (2022). *Pensions at a Glance Asia / Pacific* (p. 86). Paris: OECD Publishing.

² Lao PDR. <https://data.worldbank.org/country/lao-pdr> (дата обращения 23.12.2022).

³ ILO (2017). *Old-age income security in ASEAN member states — policy trends, challenges and opportunities* (p. 151).

⁴ Lao PDR. <https://data.worldbank.org/country/lao-pdr> (дата обращения 23.12.2022).

⁵ ILO (2017). *Old-age income security in ASEAN member states — policy trends, challenges and opportunities* (p. 39–40).

селения пенсионного возраста.¹ В 2017 г. доля застрахованных по-прежнему была менее 2 %, а уровень охвата лиц пенсиями по старости был чуть выше 5 %.² Главной причиной этого является распространение неформальной занятости: она составляет 79 % всей занятости.³

9. Обсуждения и выводы

Во-первых, принципиальных различий в институциональном устройстве и механизме финансирования пенсий по старости между развитыми и социалистическими странами не наблюдается. Раннее пенсионирование по старости, ориентированное на широкие слои населения, в развитых и социалистических странах основывалось на перераспределении. И, соответственно, теряло свою эффективность в условиях старения населения. Старение населения, наблюдаемое изначально в развитых странах мира, постепенно распространилось и на развивающиеся страны. Все анализируемые социалистические страны, кроме Лаоса, также столкнулись с этой проблемой. Прогнозы показывают, что в скором будущем проблемы старения населения неизбежны и для Лаоса.

Отсюда возникает проблема трансформации пенсионных систем. Развитыми странами мира выработано два основных способа: это изменение параметров перераспределительного пенсионирования и внедрение пенсионного накопления. Первый способ сводится к повышению пенсионного возраста, увеличению страхового стажа и тарифа. Это позволяет сбалансировать пенсионные системы. В трех из пяти анализируемых стран (кроме КНДР, где нет пенсионной системы, и Лаоса) национальные правительства уже предприняли реформы пенсионного распределения через повышение возраста выхода на пенсию, а также рост минимального страхового стажа и ставки страхового тарифа. В этом смысле пенсионирование по старости в социалистических странах развивается по аналогичным с развитыми рыночными странами сценариям.

КНР, Вьетнам, Лаос в целях адаптации к новым демографическим условиям стали использовать институты пенсионного накопления, предполагающие добровольные рыночные взаимодействия экономических агентов. Поскольку пенсионное накопление может эффективно функционировать в странах с развитыми финансовыми рынками и хорошей защитой прав собственности, то перед указанными странами первостепенной задачей стоит развитие институтов рыночной экономики.

КНДР как наиболее бедная и закрытая из рассматриваемых стран имеет лишь зачатки пенсионной системы, основанные на перераспределении. Проблема старения населения здесь также существует. Власти КНДР, возможно, находятся в более выигрышном положении в виду отсутствия полноценной пенсионной системы, однако сам факт увеличения числа стариков и снижения количества молодежи вызывает озабоченность. Известно, что Ким Ир Сен, призывая упорядочить торжества в северокорейском обществе, обращался к пожилым, которые по северокорейской традиции всегда отмечали свое 60-летие: «60-летний юноша должен

¹ ILO (2017). *Old-age income security in ASEAN member states — policy trends, challenges and opportunities* (Р. 47, 49).

² Там же. Р. 150.

³ ILO (2017). *Old-age income security in ASEAN member states — policy trends, challenges and opportunities* (р. 67–68).

отпраздновать его 60-летие в 90 лет» (National Institute for Unification Education, 2014, p. 366).

Во-вторых, рассматривая советское пенсионирование по старости как пример организации пенсионных отношений, построенных на социалистических принципах, было показано, что пенсионный процесс в СССР схож с зарубежными практиками капиталистических стран. Специфичность советских пенсий по старости сводилась, главным образом, к особенностям их предоставления. Несмотря на нацеленность на широкие круги населения, советское пенсионирование по старости носило ярко выраженный экстрактивный характер. Первые пенсионные права распространились вначале на государственных и партийных деятелей, героев революции и гражданской войны. Дальнейшее развитие пенсионирования по старости сопровождалось усилением пенсионного неравенства, в том числе за счет появления досрочных пенсий для отдельных категорий работников. Различия в условиях назначения пенсии и в ее размере стали главными факторами неравенства среди пенсионеров. Существовали группы, выведенные из системы государственного пенсионного обеспечения по старости и при этом лишенные возможности сформировать пенсию иным способом ввиду отсутствия свободного рынка пенсионных услуг. Размер пенсий по старости для большинства советских пенсионеров был невысоким и не мог гарантировать достойной и благополучной старости, если пенсия была единственным доходом. Многие советские пенсионеры продолжали работать, вести личное подсобное хозяйство, помогать в уходе за другими родственниками.

В-третьих, институты пенсионирования по старости КНР, Вьетнама, Лаоса, Кубы и КНДР не лишены черт, обусловленных истинной экономической природой социализма. Становление пенсионных систем в этих странах началось с распространения пенсионного обеспечения на приоритетные группы. В этом аспекте пенсии могут рассматриваться как привилегии. Дальнейший этап развития связан с увеличением охвата пенсиями широких слоев населения, главным образом, рабочих. В КНР, как и в СССР, пенсионное обеспечение рабочих совпало с процессом индустриализации и выступило, таким образом, дополнительным вознаграждением для наиболее ценных категорий работников.

Во всех анализируемых странах выделяются социальные группы людей, которые имеют более высокий уровень обеспечения в сравнении со всеми остальными. Традиционно это чиновники, военные, представители спецслужб и политической номенклатуры (это те группы населения, на которых держится политический режим социалистических стран). Пенсия в этом случае представляет собой вознаграждение в старости за прошлую общественно-полезную деятельность. С другой стороны, некоторые пенсионные преимущества в виде более высокого размера пенсии или сниженного пенсионного возраста существуют для отдельных категорий работников. Перечень лиц, должностей и профессий определяется национальными правительствами. При этом уровень обеспечения большинства пожилых лиц был и остается крайне низким во всех анализируемых странах, более того, он часто недостаточен для покрытия элементарных жизненных потребностей. Именно по этой причине многие пожилые продолжают трудовую деятельность после выхода на пенсию в легальном или в теневом секторах экономики или находятся в зависимости от своих детей (семей), что говорит о несостоявшемся переходе от аграрного типа развития к индустриальному. Пенсионное не-

равенство является следствием распространения экстрактивных экономических и политических институтов и, как кажется, выступает имманентной характеристикой для пенсионных систем социалистических обществ. Переход от экстрактивного пенсионирования к инклюзивному возможен при внедрении и развитии рыночных элементов в национальные пенсионные процессы.

В-четвертых, помимо общемировых и социалистических характеристик пенсионным системам анализируемых стран присущи также уникальные национальные черты. СССР — первая страна, провозгласившая построение социалистической экономической модели. Отказавшись от рынка, СССР применял административно-командные методы во всех сферах, в том числе и в пенсионном обеспечении: экономические субъекты в обязательном порядке участвовали в финансировании пенсий, альтернативы в пенсионном процессе для предприятий и граждан не были предусмотрены.

Реформы 1980-х гг. в КНР ослабили роль государства и частично институционализировали рынок. Это оказало мощнейшее влияние на дальнейшее развитие китайской пенсионной системы. Помимо распределительного пенсионирования по-прежнему институт пенсионного накопления. Маркетизация пенсионных отношений в КНР усложнила китайскую пенсионную систему и одновременно придала большую гибкость пенсионным отношениям, увеличив охват участников.

С распадом СССР прекратилось финансирование Кубы, КНДР, Вьетнама и Лаоса. Снижение финансовых возможностей и ухудшение уровня жизни населения привели де факто к маркетизации экономических отношений в этих странах.

Таблица 5

Характеристики пенсионирования по старости (КНР, КНДР, Куба, Вьетнам, Лаос)

Table 5

Characteristics of Retirement (China, North Korea, Cuba, Vietnam, Laos)

Характеристики пенсионирования по старости	Страны				
	КНР	КНДР	Куба	Вьетнам	Лаос
Мировые:					
Подверженность старению населения	+	+	+	+	–
Перераспределение как основа пенсионирования по старости на первом этапе развития	+	+	+	+	+
Пенсионное накопление как способ адаптации к новым демографическим условиям	+	–	–	+	+
Добровольные пенсионные схемы	+	–	–	+	+
Социалистические:					
Преференции и привилегии для чиновников и партийной номенклатуры	+	+	+	+	+
Низкий размер пенсий для большинства пенсионеров	+	+	+	+	+
Отсутствие рыночных механизмов	–	+	+	–	–
Национальные:					
Внезаконный сектор как причина низкого охвата участников	+	+	+	+	+
Значительная роль семьи в обеспечении пожилых лиц	+	+	+	+	+

Институт пенсионирования по старости на Кубе и система продовольственного распределения в КНДР не претерпели существенных институциональных изменений, в то время как во Вьетнаме, КНР и Лаосе со временем сформировалась вариативность в пенсионных отношениях. Помимо общеобязательной программы распределительного пенсионирования по старости, там появились пенсионные схемы, основанные на накоплении и добровольном участии.

Общей особенностью для этих стран является наличие масштабного внелегального сектора экономики, который является привлекательным для населения. Внелегальный сектор, с одной стороны, является причиной замедления развития экономических отношений (Э. де Сото, 2004), и в том числе пенсионных процессов, вследствие отсутствия превращения трудовых доходов в пенсионный капитал. Этим объясняется низкий охват участников пенсионирования по старости в анализируемых странах и незначительный размер пенсий. С другой стороны, трудоустройство во внелегальном секторе позволяет поддерживать приемлемый уровень жизни пожилых лиц.

Отсутствие пенсий или низкий их размер определяют значимую роль семьи в обеспечении пожилых. Особенно это касается самых уязвимых групп населения.

В-пятых, дальнейшие перспективы пенсионирования по старости в анализируемых странах будут определяться траекториями развития их национальных экономик. В КНР, Вьетнаме и Лаосе наблюдается переход к рыночной экономике, который осуществляется правительствами «сверху». Развитие рынка может привести к уменьшению роли экстрактивных институтов и формированию инклюзивных институтов во всей национальной экономике, и в том числе пенсионной сфере. Уже сейчас происходит внедрение рыночных механизмов в пенсионный процесс. Вероятно, пенсионирование по старости в этих странах продолжит эволюционирование в соответствии общемировыми тенденциями. Появление и развитие корпоративных и добровольных пенсионных схем позволит в будущем снизить пенсионное неравенство. Кубинский сценарий развития пока менее понятен, так как появление пенсионных инноваций, соответствующих мировым стандартам, требует определенных усилий со стороны правительства. Для КНДР, где пенсионная система и вовсе отсутствует, а рыночные вкрапления хотя и существуют, но идут вразрез с официальной идеологией, невозможно делать прогнозы. Северокорейское продовольственное распределение может быть промежуточным институтом на пути создания пенсионной системы. Но поскольку для ее функционирования нужны значительные ресурсы, то задача эта представляется невыполняемой в ближайшей перспективе. Использование пенсионного накопления как наиболее соответствующего демографическим реалиям института характеризуется старением населения, требует признания рынка как основы для хозяйствования.

И тем не менее институциональное отставание в пенсионных отношениях может быть грамотно использовано. Учитывая противоречивый опыт развития национальных систем пенсионирования по старости, странам, не прошедшим определенных стадий развития, можно от них отказаться, чтобы освободиться от неэффективных пенсионных практик.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Аджемоглу, Д., Робинсон, Дж. А. (2015). *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты*. Пер. с англ. Д. Литвинова, П. Миронова, С. Сановича. Москва: АСТ, 696.
- Дегтярев, Г. (2003). *Пенсионные реформы в России*. Москва: Academia, 336.
- Капустина, О. В. (2013). Основные социальные группы советского общества в 1960–1980х гг., определенные пенсионным законодательством. *Журнал исследований социальной политики*, 11 (3), 407–422.
- Капустина, О. В. (2010). Персональные пенсии в системе пенсионного обеспечения в СССР (вторая половина 1950-х — 1980-е гг.). *Научные проблемы гуманитарных исследований*, 3, 50–54.
- Ланьков, А. (2022). *К северу от 38-й параллели: Как живут в КНДР*. Москва: Альпина нон-фикшн, 538.
- Мамонтова, Т. (1965). О чем говорят цифры. *Социальное обеспечение*, 11, 21–22.
- Мосейко, В. В. (2018). Институт пенсий: государство vs частная инициатива. *Журнал экономической теории*, 15 (2), 309–315. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2018.15-2.14>
- Мосейко, В. В. (2017). Пенсионное обеспечение в России: анализ неравенства. *Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика*, 3, 43–60.
- Норт, Д., Уоллис, Д., Вайнгайт, Б. (2011). *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. Москва: Изд. Института Гайдара, 480.
- Сивакова, И. В. (2015). *Пенсионное законодательство России в советский период (октябрь 1917 г. — 1928 г.)*. Москва: Проспект, 208.
- Де Сото, Э. (2004). *Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире*. Пер. с англ. Б. Пинскер; под науч. ред. Р. Левита. Москва: Олимп-Бизнес, 272.
- Аникина, Е. А., Барышева, Г. А., Гуменников, И. В., Иванкина, Л. И., Касати, Ф., Корнева, О. Ю., Маланина, В. А., Монастырский, Е. А., Мосейко, В. В., Недоспасова, О. П., Павлова, И. А., Рыжкова, М. В., Таран, Е. А., Фролова, Е. А. (2018). *Социальное, экономическое и эмоциональное благополучие старшего поколения в России: социальная и пенсионная политика*. Под Г. А. Барышевой. Томск: STT, 246.
- Чан, Т. С. А., Нго, Т. Х. (2018). Пенсионная система во Вьетнаме: новые вызовы и перспективы развития. *Вьетнамские исследования*, 2 (4), 43–53. <https://doi.org/10.24411/2618-9453-2018-10036> (англ. яз.)
- Cai, Y., Cheng, Y. (2014). Pension Reform in China: Challenges and Opportunities. *Journal of Economic Surveys*, 28 (4), 636–651. <https://doi.org/10.1111/joes.12082>
- Coeurdacier, N., Guibaud, S., Jin, K. (2014). Fertility Policies and Social Security Reforms in China. *IMF Economic Review*, 62 (3), 371–408. <https://doi.org/10.1057/imfer.2014.19>
- Dorn, J. A. (2004). Pension Reform in China: A Question of Property Rights. *Cato Journal*, 23 (3), 433–446.
- Fang, H., Feng, J. (2018). The Chinese Pension System. *ShanghaiTech SEM Working Paper No. 2018-014, Wharton Pension Research Council Working Paper No. 2019-06*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3252329>
- Henshaw, S. K., Singh, S., Haas, T. (1999). The Incidence of Abortion Worldwide. *International Family Planning Perspectives*, 25, 30–38.
- Koen, V., Beom, J. (2020). North Korea: The Last Transition Economy? *OECD Economics Department Working Papers*, No. 1607. <https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=ECO/WKP%282020%2915&docLanguage=En> (accessed 03.07.2022).
- Lei, X., Zhang, C., Zhao, Y. (2014). Incentive Problems in China's New Rural Pension Program. *Labor Market Issues in China (Research in Labor Economics, Vol. 37)*, (pp. 181–201). [https://doi.org/10.1108/S0147-9121\(2013\)0000037010](https://doi.org/10.1108/S0147-9121(2013)0000037010)

- Mesa-Lago, C. (2013). *Social Protection Systems in Latin America and the Caribbean: Cuba*. Santiago: United Nations Economic Commission for Latin America and the Caribbean, 47.
- Mesa-Lago, C., Pérez-López J. (2005). *Cuba's Aborted Reform: Socioeconomic Effects. International Comparisons and Transition Policies*. Gainesville: University Press of Florida, 223.
- Mun-su, Y. (2015). *North Korea's Planned Economy and Marketization*. Institute for Unification Education. <https://www.uniedu.go.kr/uniedu/home/brd/bbsatcl/enpds/view.do?id=30330&mid=SM00000530&limit=12&sc=T&sv=North&eqViewYn=true&odr=news> (дата обращения: 03.07.2022).
- Seong, J. J. (2015). *The Story of North Korea Told by a North Korean Refugee*. Institute for Unification Education. <https://www.uniedu.go.kr/uniedu/home/brd/bbsatcl/enpds/view.do?id=30003&mid=SM00000530&limit=12&sc=T&sv=North&eqViewYn=true&odr=news> (дата обращения: 03.07.2022).
- National Institute for Unification Education (2017). *Understanding North Korea 2017*. https://www.uniedu.go.kr/uniedu/home/cms/page/understanding_nk/view.do?mid=SM00000764 (дата обращения: 03.07.2022).
- National Institute for Unification Education (2014). *Understanding North Korea 2014*. https://www.uniedu.go.kr/uniedu/home/cms/page/understanding_nk/view.do?mid=SM00000764 (дата обращения: 03.07.2022).
- Yong-seok, C., Eun-mee, J. (2015). *Double-sidedness of North Korea*. https://www.uniedu.go.kr/uniedu/home/brd/bbsatcl/enpds/view.do?id=30331&mid=SM00000530&limit=12&sc=T&sv=North&eqViewYn=true&odr=news#_none (дата обращения: 03.07.2022).
- Zhao, Y., Xu, J. (2002). China's Urban Pension System: Reforms and Problems. *Cato Journal*, 21 (3), 395–414.
- Wang, Q., Timonen, V. (2021). Retirement Pathways and Pension Inequality in China: A Grounded Theory Study. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 41 (13/14), 96–111. <https://doi.org/10.1108/IJSSP-09-2020-0454>
- Ngo Thi Hang (2017). Pension System in Vietnam: Progress, Challenges and Policy Implications. *Journal of Science of Lac Hong University, Special Issue (11/2017)*, 98–103.

References

- Acemoglu, D, & Robinson, J. A. (2015). *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishchety [Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty]*. Translated from English by P. Mironov, D. Litvinov, S. Sanovich. Moscow, Russia: AST 696. (In Russ.)
- Anikina, E. A., Barysheva, G. A., Gumennikov, I. V., Ivankina, L. I., Casati, F., Korneva, O. Yu., Malanina, V. A., Monastyrny, E. A., Moseiko, V. V., Nedospasova, O. P., Pavlova, I. A., Ryzhkova, M. V., Taran, E. A., & Frolova, E. A. (2018). *Sotsial'noe, ekonomicheskoe i emotsional'noe blagopoluchie starshego pokoleniya v Rossii: sotsial'naya i pensionnaya politika [Social, Economic and Emotional Well-Being of the Older Generation in Russia: Social and Pension Policy]*. In G. A. Barysheva (Ed.). Tomsk, Russia: STT, 246. (In Russ.)
- Cai, Y., & Cheng, Y. (2014). Pension Reform in China: Challenges and Opportunities. *Journal of Economic Surveys*, 28 (4), 636–651. <https://doi.org/10.1111/joes.12082>
- Coeurdacier, N., Guibaud, S., & Jin, K. (2014). Fertility Policies and Social Security Reforms in China. *IMF Economic Review*, 62 (3), 371–408. <https://doi.org/10.1057/imfer.2014.19>
- de Soto, H. J. (2004). *Zagadka kapitala. Pochemu kapitalizm torzhestvuet na Zapade i terpit porazhenie vo vsem ostal'nom mire [The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else]*. Translated from English by B. Pinsker. In R. Levit (Ed.). Moscow, Russia: Olimp-Bizness, 272. (In Russ.)
- Degtyarev, G. (2003). *Pensionnye reformy v Rossii [Pension reforms in Russia]*. Moscow, Russia: Academia, 336. (In Russ.)
- Dorn, J. A. (2004). Pension Reform in China: A Question of Property Rights. *Cato Journal*, 23 (3), 433–446.

Fang, H., & Feng, J. (2018). The Chinese Pension System. *ShanghaiTech SEM Working Paper No. 2018-014, Wharton Pension Research Council Working Paper No. 2019-06*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3252329>

Henshaw, S. K., Singh, S., & Haas, T. (1999). The Incidence of Abortion Worldwide. *International Family Planning Perspectives*, 25, 30–38.

Kapustina, O. V. (2010). Personal'nye pensii v sisteme pensionnogo obespecheniya v SSSR (vtoraya polovina 1950-kh–1980-e gg.) [Personal Pensions in the Soviet Pension System (second half of the 1950s - 1980s)]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy [Scientific Problems of Humanitarian Research]*, 3, 50–54. (In Russ.)

Kapustina, O. V. (2013). Osnovnye sotsial'nye gruppy sovetskogo obshchestva v 1960–1980kh gg., opredelennye pensionnym zakonodatel'stvom [The Main Social Groups of Soviet Society in the 1960–1980s, Defined by the Pension Legislation]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki [The Journal of Social Policy Studies]*, 11 (3), 407–422. (In Russ.)

Koen, V., & Beom, J. (2020). North Korea: The Last Transition Economy? *OECD Economics Department Working Papers, No. 1607*. <https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=ECO/WKP%282020%2915&docLanguage=En> (accessed 03.07.2022).

Lankov, A. (2022). *K severu ot 38-y paralleli: Kak zhivut v KNDR North of the 38th parallel: how to live in the DPRK*. Moscow, Russia: Alpina non-fiction, 538. (In Russ.)

Lei, X., Zhang, C., & Zhao, Y. (2014). Incentive Problems in China's New Rural Pension Program. *Labor Market Issues in China (Research in Labor Economics, Vol. 37)*, (pp. 181–201). [https://doi.org/10.1108/S0147-9121\(2013\)0000037010](https://doi.org/10.1108/S0147-9121(2013)0000037010)

Mamontova, T. (1965). O chem govoryat tsifry [What about the Numbers Speak]. *Sotsial'noe obespechenie [Social Security]*, 11, 21–22. (In Russ.)

Mesa-Lago, C. (2013). *Social Protection Systems in Latin America and the Caribbean: Cuba*. Santiago: United Nations Economic Commission for Latin America and the Caribbean, 47.

Mesa-Lago, C., & Pérez-López J. (2005). *Cuba's Aborted Reform: Socioeconomic Effects. International Comparisons and Transition Policies*. Gainesville: University Press of Florida, 223.

Moseiko, V. V. (2017). Pensionnoe obespechenie v Rossii: analiz neravenstva. [Pension Provision in Russia: The Analysis of Inequality]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 6: Ekonomika [Moscow University Economics Bulletin]*, 3, 43–60. (In Russ.)

Moseiko, V. V. (2018). Institut pensiy: gosudarstvo vs chastnaya initsiativa [Institute of Pensions: Historical Development]. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii [Russian Journal of Economic Theory]*, 15 (2), 309–315. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2018.15-2.14> (In Russ.)

Mun-su, Y. (2015). *North Korea's Planned Economy and Marketization*. Institute for Unification Education. <https://www.uniedu.go.kr/uniedu/home/brd/bbsatcl/enpds/view.do?id=30330&mid=SM00000530&limit=12&sc=T&sv=North&eqViewYn=true&odr=news> (дата обращения: 03.07.2022).

National Institute for Unification Education (2014). *Understanding North Korea 2014*. https://www.uniedu.go.kr/uniedu/home/cms/page/understanding_nk/view.do?mid=SM00000764 (дата обращения: 03.07.2022).

National Institute for Unification Education (2017). *Understanding North Korea 2017*. https://www.uniedu.go.kr/uniedu/home/cms/page/understanding_nk/view.do?mid=SM00000764 (дата обращения: 03.07.2022).

Ngo Thi Hang (2017). Pension System in Vietnam: Progress, Challenges and Policy Implications. *Journal of Science of Lac Hong University, Special Issue (11/2017)*, 98–103.

North, D. C., Wallis, J. J., & Weingast, B. R. (2011). *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva [Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]*. Moscow, Russia: Gaidar Institute Publishing House, 480. (In Russ.)

Seong, J. J. (2015). *The Story of North Korea Told by a North Korean Refugee*. Institute for Unification Education. <https://www.uniedu.go.kr/uniedu/home/brd/bbsatcl/enpds/view.do?id>

=30003&mid=SM00000530&limit=12&sc=T&sv=North&eqViewYn=true&odr=news (дата обращения: 03.07.2022).

Sivakova, I. V. (2015). *Pensionnoe zakonodatel'stvo Rossii v sovetskiy period (oktyabr' 1917 g.–1928 g.) [Russian Pension Legislation in the Soviet Period (October 1917–1928)]*. Moscow, Russia: Prospekt, 208. (In Russ.)

Tran Thi Xuan Anh, & Ngo Thi Hang (2018). Pension System in Vietnam: New Challenges and Development Prospects. *V'etnamskie issledovaniya [The Russian Journal of Vietnamese Studies]*, 2 (4), 43–53. <https://doi.org/10.24411/2618-9453-2018-10036>

Wang, Q., & Timonen, V. (2021). Retirement Pathways and Pension Inequality in China: A Grounded Theory Study. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 41 (13/14), 96–111. <https://doi.org/10.1108/IJSSP-09-2020-0454>

Yong-seok, C., & Eun-mee, J. (2015). *Double-sidedness of North Korea*. https://www.uniedu.go.kr/uniedu/home/brd/bbsatcl/enpds/view.do?id=30331&mid=SM00000530&limit=12&sc=T&sv=North&eqViewYn=true&odr=news#_none (дата обращения: 03.07.2022).

Zhao, Y., & Xu, J. (2002). China's Urban Pension System: Reforms and Problems. *Cato Journal*, 21 (3), 395–414.

Информация об авторе

Мосейко Виктория Владимировна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и инструментальных методов, Калининградский государственный технический университет; <https://orcid.org/0000-0001-8574-222X> (Российская Федерация, 236039, г. Калининград, пер. Мальный, д. 32; e-mail: vimoseiko@gmail.com).

About the author

Victoria V. Moseiko — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Instrumental Methods, Kaliningrad State Technical University; <https://orcid.org/0000-0001-8574-222X> (32, Maly all., Kaliningrad, 236039, Russian Federation; e-mail: vimoseiko@gmail.com).

Дата поступления рукописи: 19.01.2023.

Прошла рецензирование: 07.02.2023.

Принято решение о публикации: 18.05.2023.

Received: 19 Jan 2023.

Reviewed: 07 Feb 2023.

Accepted: 18 May 2023.